

RU

Эпистемическое несогласие как модально-иллокутивный феномен: на материале англоязычных редакционных статей

Фоменко О. В.

Аннотация. Цель исследования состоит в установлении модально-иллокутивного статуса эпистемического несогласия. В статье рассмотрены особенности субъективной эпистемической модальности и обозначена коммуникативно-прагматическая перспектива её анализа применительно к несогласию. Научная новизна исследования заключается в концептуальной трактовке несогласия как иллокутивного акта, реализующего субъективную эпистемическую модальность, а также в смещении аналитического фокуса с описания формы и функции реагирующего высказывания на объект несогласия – пропозицию и её эпистемический статус. Несогласие рассматривается как иллокутивно оформленный результат эпистемической переоценки пропозиционального содержания, что принципиально отличает предлагаемое понимание несогласия от его трактовок как универсальной прагматической реакции или как модальной категории, в рамках которых связь между эпистемической модальностью и иллокутивной структурой высказывания остаётся недостаточно концептуализированной. В результате исследования на материале англоязычных фрагментов жанра редакционной статьи (editorial) уточнены условия возникновения эпистемического несогласия и показано, что оно реализуется как иллокутивная реакция на пропозиции, обладающие эпистемическим статусом. Установлено, что характер пропозиционального содержания, степень его интерпретационной неопределённости, а также эксплицитная и имплицитная эпистемическая маркированность определяют возможность эпистемической переоценки пропозиции в ситуации несогласия, что способствует теоретическому уточнению статуса эпистемического несогласия в системе модальных значений и в структуре речевого действия.

EN

Epistemic disagreement as a modal-illocutionary phenomenon: a study of English-language editorials

O. V. Fomenko

Abstract. The aim of the study is to establish the modal-illocutionary status of epistemic disagreement. The article examines the characteristics of subjective epistemic modality and outlines a communicative-pragmatic perspective for its analysis in relation to disagreement. The scientific novelty of the study lies in the conceptual interpretation of disagreement as an illocutionary act that realizes subjective epistemic modality, as well as in the shift of the analytical focus from the description of the form and function of the responding utterance to the object of disagreement, namely the proposition and its epistemic status. Disagreement is regarded as an illocutionarily structured result of epistemic re-evaluation of propositional content, which fundamentally distinguishes the proposed understanding of disagreement from its interpretations as a universal pragmatic reaction or as a modal category, within which the connection between epistemic modality and the illocutionary structure of the utterance remains insufficiently conceptualized. As a result of the study, based on English-language fragments from editorials, the conditions for the emergence of epistemic disagreement are clarified, and it is demonstrated that epistemic disagreement is realized as an illocutionary response to propositions endowed with an epistemic status. It is established that the nature of the propositional content, the degree of its interpretive indeterminacy, as well as explicit and implicit epistemic marking determine the possibility of epistemic re-evaluation of the proposition in a situation of disagreement, thereby contributing to a more precise theoretical specification of the status of epistemic disagreement within the system of modal meanings and the structure of speech action.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном языкознании сохраняется интерес к проблемам модальности и к их коммуникативно-прагматическому осмыслению. В частности, это касается

субъективной эпистемической модальности, которая рассматривается не только как семантическая характеристика пропозиции, но и как компонент коммуникативного содержания высказывания, тесно связанный с прагматическими параметрами речевого взаимодействия. В этой связи эпистемическое несогласие представляет особый интерес, поскольку анализ речевых действий, в которых объектом коммуникативного взаимодействия становится эпистемическая переоценка пропозиционального содержания, позволяет выявить механизмы, посредством которых в дискурсе оспариваются достоверность, обоснованность и интерпретация высказываемого содержания и оформляется столкновение эпистемических позиций. Такой подход даёт возможность рассматривать несогласие не просто как прагматически обусловленный реагирующий акт, а как иллокутивно организованную форму переоценки эпистемического статуса пропозиции. Обращение к данному явлению важно для более точного описания связи субъективной эпистемической модальности и иллокутивной структуры высказывания, роли пропозиции как объекта несогласия, а также механизмов интерпретации, аргументации и эпистемической оценки в дискурсе.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- обозначить теоретические основания понимания модальности и эпистемической модальности в современной лингвистике и задать коммуникативно-прагматическую перспективу рассмотрения субъективной модальности;
- рассмотреть теоретическую близость субъективной и иллокутивной модальностей и обосновать понимание несогласия как модально-иллокутивного феномена;
- соотнести иллокутивный акт несогласия с субъективной эпистемической модальностью и охарактеризовать внутреннюю структуру эпистемической модальности как теоретическую основу анализа эпистемического несогласия;
- описать типы пропозиционального содержания и их эпистемический статус в концепциях Е. И. Беляевой и Е. Г. Тарасевич, а также уточнить роль эпистемических маркеров и немаркированности пропозиции в формировании эпистемического статуса объекта несогласия;
- определить специфику эпистемического несогласия как формы субъективной эпистемической модальности, реализуемой в репрезентативном иллокутивном акте;
- показать репрезентативность публицистического дискурса (жанра editorial) как материала для анализа эпистемического несогласия;
- проиллюстрировать на материале англоязычных фрагментов редакционных статей (editorial) реализацию эпистемического несогласия как контекстуально обусловленного модально-иллокутивного значения.

Методы определены целью и задачами работы и соответствуют её теоретико-аналитическому характеру. В статье используются описательный метод, а также сопоставительный анализ научных лингвистических концепций модальности, эпистемической модальности, соотношения субъективной и иллокутивной модальностей, пропозиционального содержания и его эпистемического статуса. Элементы теоретического моделирования применяются для концептуализации эпистемического несогласия. Теоретическое обобщение используется при формулировании выводов и уточнении понятийного статуса рассматриваемого явления. Для иллюстрации и проверки применимости предложенных положений привлекаются контекстуальный, функционально-прагматический и интерпретативный анализ языковых примеров.

Материалом исследования послужили фрагменты двух редакционных статей (editorial) *The Guardian* (2026) о деле Джеффри Эпштейна и связанных с ним фигурах. Обратные примеры используются как иллюстративный материал для анализа механизмов эпистемического несогласия.

Теоретическую базу исследования составляют труды, посвящённые теории модальности и систематике модальных значений в лингвистике (Ляпон, 2000; Лайонз, 2003; Palmer, 2001; Панфилов, 1977; Падучева, 2019), модальности как коммуникативной категории (Берн, 2014), эпистемической модальности (Беляева, 1990; Сафина, 2019; Сахарова, 2023), пропозициональному содержанию и эпистемическому статусу высказывания, а также модусам знания и мнения (Тарасевич, 1998), описанию несогласия (Пыркина, 2016; Архипова, 2009).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его положений и выводов в практике преподавания теоретических лингвистических дисциплин, а также при разработке и чтении курсов, посвящённых проблемам модальности, эпистемической оценки и иллокутивного аспекта высказывания. Материалы статьи могут быть использованы в учебно-исследовательской работе при анализе речевого взаимодействия и модально-иллокутивных значений в дискурсе.

Обсуждение и результаты

В отечественной и зарубежной лингвистике модальность рассматривается в рамках нескольких классификационных подходов. В отечественной лингвистической традиции наибольшее распространение получило разграничение объективной и субъективной модальностей, восходящее к модальной логике и интерпретируемое в рамках функционально-семантического подхода. В этом понимании модальность рассматривается как категория, выражающая «разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» (Ляпон, 2000, с. 303). Объективная модальность связана с характеристикой пропозиционального содержания высказывания и предполагает его интерпретацию с точки зрения таких параметров, как реальность и ирреальность (Русская грамматика, 1980, с. 85–86). Субъективная модальность, напротив, отражает позицию говорящего по отношению к сообщаемому и не является обязательным

компонентом всех типов высказываний. При этом спектр субъективно-модальных значений охватывает разнообразные способы выражения отношения субъекта речи к пропозиции (Русская грамматика, 1980, с. 214-216).

В зарубежной лингвистике более распространённым является иной принцип классификации, основанный на противопоставлении эпистемической и неэпистемической модальности. Значения последней традиционно объединяются под наименованием «корневых» и включают деонтическую и динамическую модальности (Лайонз, 2003; Palmer, 2001).

В рамках данной статьи внимание сосредоточено на эпистемической модальности, под которой «обычно понимают семантику и средства языкового выражения уверенности/неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого, в другой терминологии – достоверности / недостоверности (предположительности), персуазивности» (Казаковская, Онипенко, 2020, с. 246). Эпистемическая модальность традиционно рассматривается отечественными исследователями как разновидность субъективной модальности, «поскольку оценка вероятности воплощения в объективной действительности того или иного положения дел осуществляется на основе знаний, рассуждений, мнений и опыта самого говорящего, а значит, она преломляется через его мыслительную и эмоционально-психическую сущность» (Сафина, 2019, с. 35).

При этом в ряде исследований проводится разграничение объективного и субъективного компонентов эпистемической модальности, соотносимых с «логическим значением доказуемости и достоверности» (Сахарова, 2023, с. 28) и с позицией говорящего по отношению к достоверности сообщаемого. Дж. Лайонз указывает на то, что объективная эпистемическая модальность связана с пониманием достоверности как характеристики, не зависящей от индивидуальной позиции говорящего: «Модальность представлена как нечто такое, что фактически имеет место в некотором эпистемическом <...> мире, внешнем по отношению к тому, кто произносит это предложение в конкретном случае» (2003, с. 346). Субъективную эпистемическую модальность, коррелирующую «с логическим оператором “убеждён”» (Сахарова, 2023, с. 28), он понимает как такую ситуацию, в которой «говорящий <...> может выражать свое собственное мнение по поводу того или иного положения вещей <...>, а не просто сообщать как нейтральный наблюдатель о его существовании» (Лайонз, 2003, с. 347). Подобного разделения эпистемической модальности на субъективную и объективную придерживаются и другие исследователи (Papafragou, 2006; Блох, Аверина, 2011).

Вместе с тем в лингвистике термин «эпистемическая модальность» преимущественно используется для обозначения субъективной эпистемической модальности; с учётом существования упомянутого выше разграничения необходимо уточнить, что объектом настоящего исследования является именно субъективная эпистемическая модальность, непосредственно связанная с выражением индивидуальной оценки и, как следствие, с прагматическими аспектами речевого взаимодействия.

В ходе развития лингвистических представлений о модальности происходит существенное расширение толкования модальных значений и переосмысление их статуса: модальные значения всё в большей степени трактуются как отражение субъективного опыта говорящего и его интерпретации действительности. Как отмечает А. А. Берн, «значения субъективной модальности постепенно начинают осмысливаться как компоненты коммуникативного содержания высказывания» (2014, с. 16). В результате модальность рассматривается не только как выражение отношения высказывания к действительности, но и как средство организации речевого взаимодействия, то есть как универсальный механизм, обеспечивающий соотнесение содержания высказывания с позицией говорящего и параметрами коммуникативной ситуации, что свидетельствует о переходе от функционально-семантического к коммуникативно-прагматическому пониманию данной категории. В этом контексте «многими современными лингвистами коммуникативность признаётся как один из важнейших факторов, определяющих модальность, или же модальность признаётся коммуникативной категорией» (Берн, 2014, с. 16).

В ряде отечественных исследований уже были предприняты попытки систематизировать множество модальных значений. Так, например, представители школы функциональной грамматики выделяют шесть модальных значений: «значения реальности/нереальности; значения возможности/необходимости/желательности; оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого; целевая установка; значения утверждения/отрицания; эмоциональная и качественная оценка» (Бирюлин, Корди, 1990, с. 67-68). А. А. Берн справедливо подчеркивает, что данный подход к описанию значений модальности характеризуется определённой недоработанностью. В ряде случаев наблюдается «наслоение» понятий, принадлежащих к разным, но взаимосвязанным уровням анализа. «Коммуникативная установка отражает целевую направленность высказывания, в то время как эмоционально-качественная оценка указывает на отношение говорящего к определённому положению вещей. При этом данные элементы неотделимы друг от друга и совместно формируют значение» (Берн, 2014, с. 17).

Перенося эту логику на область эпистемической модальности, можно рассматривать взаимодействие целевой установки высказывания и оценки достоверности сообщаемого как аналогичное соотношение. В этом случае степень уверенности говорящего выступает неотъемлемым компонентом реализации иллокутивного акта, поскольку именно она определяет его тип и силу. Этот комментарий подчёркивает, что субъективно-модальные значения невозможно рассматривать изолированно от коммуникативных параметров высказывания.

В связи с вышесказанным важно рассмотреть концепцию модальных значений Е. В. Падучевой (2019). К сфере модальности относятся следующие три группы значений: 1) объективная модальность, которая трактуется как «отношение ситуации к реальному миру (а именно, ее реальность или нереальность)» (Падучева, 2019, с. 93); 2) субъективная модальность, которая выражает «отношение говорящего к ситуации – ее желательность, возможность, сомнительность и т. п.» (Падучева, 2019, с. 94); к ней относятся такие «субъективные» значения, как психологическая или эпистемическая установка; 3) иллокутивная модальность,

под которой понимается коммуникативная цель говорящего (подразделяется на утвердительную (ассертивную), побудительную и вопросительную иллокутивную модальность).

Е. В. Падучева также говорит о том, что четко разграничить иллокутивную и субъективную модальность не всегда просто. В Русской Грамматике 1980: § 2191 к сфере субъективной модальности относятся собственно оценочные значения, «закрывающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения: согласие или несогласие, принятие или непринятие; <...> одобрение или неодобрение, порицание, осуждение; разные виды волеизъявления <...>; удивление, недоумение или непонимание» (1980, с. 216). Многие из перечисленных субъективно-модальных значений могут также трактоваться как иллокутивные. «Различие следует видеть в том, что в контексте иллокутивной модальности говорящий выступает, прежде всего, как субъект речи, обращенной на адресата, тогда как в контексте субъективной модальности он только субъект пропозициональной установки» (Падучева, 2019, с. 89).

Данная размытость границ между субъективной и иллокутивной модальностями становится значимым основанием для рассмотрения несогласия как феномена, объединяющего обе сферы.

Вопрос о модальной природе несогласия неоднократно поднимался в отечественных лингвистических исследованиях. Так, в работах Т. Н. Пыркиной несогласие определяется как модальная категория, выражающая отношение говорящего к высказыванию собеседника, которая реализуется «через категорию отрицания и включает в себе все виды отрицательной реакции – опровержение, суждение, сомнение, недовольство и др., составляющие сематическое поле несогласия» (2016, с. 138), а также через систему разноуровневых средств – от лексико-грамматических до интонационных. В целом ряде работ (Свиридова, 1994; Лекант, 1991) уже отмечается модальная природа несогласия, однако вопрос о его связи с иллокутивной структурой высказывания и о роли эпистемического компонента остаётся недостаточно разработанным.

Развивая предыдущие наблюдения и опираясь на положение Е. В. Падучевой о размытости границ между субъективной и иллокутивной модальностями, целесообразно рассматривать несогласие не только как модальное значение, но и как речевой акт, в котором данное значение получает коммуникативную реализацию. В связи с этим необходимо на данном этапе исследования обратиться к внутренней структуре речевого акта. В соответствии с теорией речевых актов Дж. Остина, Дж. Сёрля речевое действие рассматривается на трех уровнях: локутивном, иллокутивном и перлокутивном (Введение в науку о языке, 2024, с. 294-295). Локутивный акт представляет собой единство трех актов: акта фонации, акта референции и акта предикации. На данном уровне высказывание рассматривается безотносительно к той коммуникативной ситуации, в которой оно было употреблено, и понимается как языковая форма и выражаемое с ее помощью пропозициональное содержание. Иллокутивный акт – это собственное коммуникативное действие, имеющее некую внеязыковую цель (то есть то, что делает говорящий посредством высказывания: спрашивает или отвечает, информирует, уверяет, предупреждает, соглашается или не соглашается и т. п.). Другими словами, это коммуникативное намерение говорящего, коммуникативное содержание высказывания, в зависимости от которого в пропозицию вкладывается определенное значение. «Интегральная, то есть обобщенная и целостная характеристика высказывания как средства осуществления иллокутивного акта называется иллокутивной силой высказывания» (Введение в науку о языке, 2024, с. 295). Перлокутивный акт – это речевой акт, рассматриваемый в аспекте его фактического воздействия на адресата и изменений, происходящих в его сознании или поведении под влиянием высказывания.

Именно иллокутивный уровень является ключевым для анализа модальности, поскольку модальность каждого высказывания, в том или ином виде отражающая некоторую позицию говорящего, подчиняется его намерениям. В данном случае модальность трактуется как способ реализации интенции говорящего. «Передаваемое модальными средствами отношение к действительности следует признать субъективным и функциональным – средство выражения модальности выполняет определённую роль в реализации иллокутивной силы высказывания, также оно связано с оценкой говорящим прагматических пресуппозиций» (Берн, 2014, с. 25).

Таким образом, обращение к внутренней организации речевого акта позволяет вернуться к рассмотрению несогласия как особого коммуникативного явления. В данной работе несогласие понимается как феномен, находящийся на пересечении модальной и иллокутивной сфер. С одной стороны, оно выражает отношение субъекта к высказываемой пропозиции, то есть обладает модальным содержанием. С другой стороны, несогласие реализуется в форме речевого действия, направленного на коммуникативное выражение этого отношения и обращённого к адресату, обладающего специфической прагматической силой, – следовательно, может быть описано как иллокутивный акт. Такая двойственная природа несогласия позволяет рассматривать его одновременно как субъективную модальность (в плане семантики) и как иллокуцию (в плане прагматики).

Далее представляется целесообразным рассмотреть, каким образом несогласие соотносится с субъективной эпистемической модальностью. Отнесение иллокутивного акта несогласия к сфере субъективной эпистемической модальности обусловлено тем, что эпистемическая модальность описывает отношения говорящего к степени достоверности пропозиции, то есть к тому, насколько содержание высказывания соответствует действительности, – отношения, которые могут быть актуализированы и в несогласии. «В зависимости от того, каким образом говорящий оценивает полноту своих знаний об описываемых явлениях, содержание высказывания (пропозиция) может быть представлено как соответствующее или не соответствующее реальному положению дел в действительности» (Беляева, 1990, с. 157). Несогласие, в свою очередь, может реализоваться по отношению к содержанию, допускающему такую оценку: в таком случае оно направлено на пропозицию, которую говорящий способен интерпретировать как истинную, ложную, сомнительную

или недостаточно обоснованную. Справедливо утверждать, что несогласие может возникать вследствие расхождения субъективных оценок участников коммуникации относительно достоверности некоторого положения дел. Следовательно, несогласие как иллокутивный акт, возникающий по отношению к пропозиции с эпистемическим статусом, реализует субъективную эпистемическую модальность.

Для иллюстрации обозначенного механизма обратимся к конкретному фрагменту современного англоязычного дискурса, в котором автор вступает в опосредованное полемическое взаимодействие с альтернативной эпистемической позицией. Анализ данного примера позволяет проследить, каким образом пропозиция с определённым эпистемическим статусом становится объектом эпистемической переоценки и как эта переоценка реализуется в форме несогласия.

Рассмотрим следующий фрагмент: **The former prince's claim that he broke with Epstein in December 2010 collapsed last year. Fresh emails now suggest that warm, regular exchanges followed. Such confidence in asserting a provable falsehood only makes sense if Mr Mountbatten-Windsor believed himself untouchable** (The Guardian view on Andrew Mountbatten-Windsor..., 2026). / **Утверждение бывшего принца о том, что он разорвал связи с Эпштейном** в декабре 2010 года, **рухнуло** в прошлом году. Новые электронные письма теперь позволяют предположить, что за этим последовали тёплые, регулярные контакты. Такая уверенность в отстаивании **доказуемо ложного утверждения** имеет смысл лишь в том случае, если мистер Маунтбеттен-Виндзор считал себя неприкосновенным (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – О. В.).

Объектом несогласия в данном случае выступает пропозиция, выраженная в утверждении о разрыве связей с Эпштейном в декабре 2010 года. Данная пропозиция ранее заявлялась субъектом как достоверная и соответствующая действительности, что обеспечивало ей высокий эпистемический статус (в исходной позиции).

В анализируемом фрагменте автор editorial осуществляет поэтапную переоценку указанной пропозиции. В первом предложении глагол “collapsed” метафорически маркирует утрату устойчивости и достоверности утверждения: пропозиция представляется как не выдержавшая проверки новыми данными. Тем самым её эпистемический статус понижается – она более не интерпретируется как надёжное и подтверждённое положение дел.

На следующем этапе утверждение определяется как “a provable falsehood”, то есть не просто как сомнительное или недостаточно обоснованное, а как доказуемо ложное. В результате происходит радикальная переквалификация исходной пропозиции: она переводится из сферы представления как достоверного положения в сферу ложного утверждения. Подобная оценка фиксирует субъективную эпистемическую позицию автора, который берёт на себя ответственность за альтернативное определение соответствия пропозиции реальному положению дел. Данная переквалификация отражает расхождение субъективных оценок степени достоверности пропозиции и тем самым реализует несогласие.

Таким образом, в приведённом фрагменте объектом несогласия выступает пропозиция, обладающая определённым эпистемическим статусом. Само несогласие реализуется как субъективная эпистемическая оценка данной пропозиции, выражающая переосмысление её соответствия действительности. Переход от представления как достоверного утверждения к квалификации как доказуемо ложного демонстрирует изменение положения пропозиции на шкале достоверности и подтверждает функционирование несогласия в рамках субъективной эпистемической модальности.

Рассмотренный пример показывает, что несогласие реализуется через переоценку достоверности и истинностного статуса пропозиции. Для дальнейшего анализа таких случаев важно обратиться к внутренней структуре эпистемической модальности. Е. И. Беляева (1990) рассматривает модальность достоверности (= эпистемическую модальность) как функционально-семантическое поле, включающее два взаимосвязанных микрополя: вероятности и истинности. Первое отражает количественную оценку имеющегося у говорящего знаний о предмете. Вероятностная оценка базируется на выводном знании и является результатом логической операции умозаключения; в неё входят значения эпистемической возможности (передает неполноту знаний говорящего, оформляет вероятностные суждения) и эпистемической необходимости (выражает убежденность говорящего в высокой вероятности ситуации).

Второе микрополе определяется по «шкале уверенности, отражающей субъективное ощущение истинности или проблематичности высказываемой пропозиции» (Беляева, 1990, с. 163). Оно включает простую (имплицитную), категорическую (значение уверенности говорящего в истинности своей оценки действительности) и проблематическую достоверность (значение неуверенности) (термины В. З. Панфилова (1977, с. 49)). «Таким образом, речь идет о “состоянии знания”, возникающем в результате процесса познания субъектом объективной действительности» (Беляева, 1990, с. 167).

Особое значение имеет описание имплицитно достоверных пропозиций (утверждений в форме индикатива, не содержащих эксплицитных маркеров достоверности), которые могут соотноситься с двумя типами содержания: 1) пропозиции с очевидным/однозначным источником знания, исключающие незнание или сомнение, что делает экспликацию модуса знания в их отношении неуместным (пропозиции, относящиеся к сфере существования самого говорящего; пропозиции восприятия, сформулированные в момент наблюдения; общеизвестные истины); 2) верифицируемые пропозиции, основанные на прошлом опыте говорящего или сведениях, полученных «из авторитетного источника, указание на которые может служить обоснованием истинности пропозиции» (Беляева, 1990, с. 168).

Следует отметить, что в рамках имплицитной достоверности у Е. И. Беляевой фактически присутствует ещё один возможный тип содержания. Речь идёт об оценочных и интерпретативных пропозициях («*Анна умница*;

Вы влюблены; Он голоден» – примеры Е. И. Беляевой), для которых говорящий не располагает непосредственным знанием. Как подчёркивает автор, такие пропозиции основываются на рассуждении и сопоставлении фактов, при этом «говорящий настолько уверен в своих выводах, что выдает их за знание» (Беляева, 1990, с. 168).

Представляется возможным выдвинуть рабочую гипотезу, что именно этот третий, оценочно-интерпретативный тип содержания обладает особой значимостью для анализа несогласия. Будучи представляемыми как знание, такие пропозиции потенциально подвергаются сомнению и впоследствии становятся объектом эпистемической переоценки со стороны адресата. Дальнейший анализ практического материала позволит проверить данное предположение.

Сходство с моделью типов пропозиционального содержания Е. И. Беляевой находим в типологии пропозиций, предложенной Е. Г. Тарасевич (1998). Её классификация концептуально соотносится с наблюдениями Е. И. Беляевой относительно семантических типов выражаемого содержания и уточняет их в аспекте ментальных модусов знания и мнения.

При этом важно отметить, что если в концепции Е. И. Беляевой типы содержания описываются только в рамках имплицитной достоверности – то есть пропозиции, которые говорящий представляет как знание без явных модальных маркеров, то Е. Г. Тарасевич, напротив, предлагает общую классификацию пропозиций как семантических единиц в целом, распределяя их по характеру эпистемического содержания и по применимости ментальных модусов знания и мнения («конструкций с пропозициональными установками типа *Я знаю, что..., Я считаю (думаю, полагаю), что...*» (Тарасевич, 1998, с. 100)). Такие модусы, как подчёркивает исследователь, с одной стороны, локализуют пропозицию на определённом участке шкалы истинности. С другой стороны, они являются формой явного присутствия ментального субъекта в дискурсе и тем самым отражают степень его рефлексивности, эпистемической ответственности или эпистемического авторитаризма (Тарасевич, 1998, с. 100). Именно благодаря более широкому охвату типология Е. Г. Тарасевич позволяет задать общую эпистемическую рамку и теоретически структурировать те типы содержания, которые выделяет Е. И. Беляева.

Е. Г. Тарасевич (1998, с. 100-102) выделяет три типа пропозиций: 1) пропозиции, которые в норме не вводятся установками знания и мнения (выражают общеизвестное знание / описывают непосредственные ощущения субъекта или события, происшедшие с ним); 2) верифицируемые пропозиции, которые имеют прямое отношение к факту; 3) неверифицируемые пропозиции оценочного, интерпретирующего и прогностического характера. Эти три категории соотносятся с тремя классами имплицитно достоверных пропозиций у Е. И. Беляевой, что позволяет рассматривать обе типологии как пересекающиеся и описывающие общий эпистемический спектр, но на разных уровнях обобщения.

Первый тип пропозиций Е. Г. Тарасевич выводит за рамки дальнейшего анализа, поскольку «вследствие очевидности эпистемического статуса таких пропозиций» (1998, с. 101) они не вызывают модусной неопределённости. Основное внимание уделяется верифицируемым и неверифицируемым пропозициям, для которых характерна вариативность модусной интерпретации. Существенным уточнением Е. Г. Тарасевич является экспликация эпистемических импликаций: употребление верифицируемых пропозиций без модуса имеет контекстную импликацию «я знаю, что р», тогда как в случае неверифицируемых пропозиций отсутствие модуса порождает импликацию «я считаю/думаю, что р» (1998, с. 101-102). В обобщённом виде это может быть представлено следующим образом: безмодусные верифицируемые пропозиции имплицитно подразумевают модус знания, а неверифицируемые – модус мнения.

При этом Е. Г. Тарасевич подчёркивает необходимость различать две ситуации. Если говорящий высказывает верифицируемую пропозицию и не уверен в её истинности, он обязан маркировать её модусом мнения, «высказывая же неверифицируемую пропозицию, говорящий может это сделать, если считает нужным» (Тарасевич, 1998, с. 103). Однако именно эта факультативность оказывается интерпретационно значимой.

Наблюдения Е. Г. Тарасевич (1998, с. 104) позволяют уточнить предложенную выше гипотезу, показав, что отсутствие модальной экспликации модуса мнения в неверифицируемых (оценочных и интерпретативных) пропозициях создаёт условия для трёх когнитивно-коммуникативных сценариев – добросовестного элиминирования модуса, эпистемической манипуляции и эпистемического авторитаризма. Во всех этих случаях мнение может потенциально восприниматься или предъявляться как знание (обладающее более высоким эпистемическим статусом), что создаёт эпистемическую зону риска и делает такие пропозиции особенно подверженными эпистемической переоценке со стороны адресата, а следовательно – и несогласию.

Вместе с тем, как отмечает Е. Г. Тарасевич (1998, с. 104-105), неоднозначность интерпретации характерна не только для безмодусных неверифицируемых пропозиций: она возможна и при эксплицитном выражении модуса. Так, модус мнения может указывать как на эпистемическую корректность (говорящий не полностью уверен), так и на подчеркнутое выражение личной позиции – от демонстрации эпистемической ответственности до эпистемической толерантности. Модус знания относительно неверифицируемых пропозиций может интерпретироваться как проявление эпистемического авторитаризма или как стратегическое воздействие на адресата.

Такая неоднозначность интерпретаций любого варианта употребления утверждений мнения подтверждает выдвинутую гипотезу о повышенной эпистемической неоднозначности пропозиций оценочно-интерпретативного типа и объясняет их повышенную вероятность стать объектом несогласия как акта эпистемической переоценки адресатом.

В качестве иллюстрации рассмотрим следующий фрагмент: **The royal family's defenders claim that they were once the country's moral anchor. That was rarely, if ever, true** (The Guardian view on Andrew Mountbatten-

Windsor..., 2026). / Защитники королевской семьи **утверждают**, что когда-то **она была моральным якорем страны. Это редко – если вообще когда-либо – было правдой.**

Пропозиция “they were once the country’s moral anchor”, характеризующая монархию как «моральный якорь страны», относится к числу оценочно-интерпретативных и не подлежит прямой верификации. В дискурсе защитников монархии подобное суждение функционирует как безмодусное утверждение, имплицитное утверждение, подразумевающее модус мнения и высокую степень субъективной уверенности в рамках позиции защитников монархии. В соответствии с описанной выше моделью когнитивно-коммуникативных сценариев такое безмодусное оформление допускает неоднозначную интерпретацию статуса пропозиции и создаёт эпистемическую зону риска, в которой мнение может восприниматься как знание и тем самым получать более высокий эпистемический статус.

В анализируемом *editorial* автор осуществляет последовательную операцию эпистемического дистанцирования. Во-первых, пропозиция вводится через предикат “claim”, что локализует её в пространстве чужой эпистемической позиции и выводит из режима фонового, неоспариваемого знания. Во-вторых, последующее высказывание “That was rarely, if ever, true” реализует прямую, но градуированную эпистемическую коррекцию: истинностный статус суждения понижается – от исходной претензии на высокую достоверность до уровня маловероятности, близкого к полной несостоятельности.

Таким образом, оценочно-интерпретативная пропозиция становится объектом эпистемической переоценки, а несогласие реализуется как последовательное снижение её имплицитного эпистемического статуса.

Дополнительным фактором, осложняющим интерпретацию пропозиций, выступает когнитивная система адресата – субъекта несогласия (его взгляды, убеждения, мнения, знания): высказывания, согласующиеся с его ценностными установками, легко принимаются как более достоверные, тогда как противоречащие им нередко понижаются в эпистемическом статусе или отвергаются вовсе (Тарасевич, 1998, с. 107). В этом смысле ситуация типа «знает, что р, но не верит, что р» показывает, что даже верифицируемые пропозиции могут становиться объектом эпистемической переоценки, если они расходятся с системой убеждений адресата. Тем самым эпистемическая переоценка, вызванная несопадением ценностных установок адресата с содержанием пропозиции, становится основанием для эпистемического несогласия.

В более общем плане, как подчёркивает Е. Г. Тарасевич, различная подача и интерпретация верифицируемых и неверифицируемых пропозиций – независимо от степени их модусной маркированности – может существенно «затруднять для слушающего оценку как эпистемических намерений говорящего, так и истинностного статуса высказывания» (1998, с. 110). Именно эта интерпретационная неопределённость определяет фундаментальные условия для возникновения эпистемического несогласия.

Таким образом, обе исследовательницы исходят из того, что пропозиции различаются по степени доступности верификации, но каждая из них получает эпистемический статус в дискурсе и может становиться объектом эпистемической оценки – в том числе оценки несогласия. Это означает, что объектом несогласия потенциально может выступать пропозиция любого семантического типа – от фактуального содержания до интерпретативного или оценочного суждения.

Свой вклад в определение эпистемического статуса вносят не только семантические характеристики пропозиции (её верифицируемость, источник знания, тип содержания), но и характер её модальной маркировки. Эпистемические маркеры различных типов (модусы знания и мнения, модальные глаголы, модальные слова и другие функционально-семантические средства выражения эпистемической модальности) выражают степень уверенности говорящего в истинности пропозиции. Как отмечает А. Р. Сафина (в отношении модальных глаголов), они «свидетельствуют о той степени ответственности, которую берёт на себя говорящий, квалифицируя предоставляемые сведения как достоверные/недостоверные» (2019, с. 36), – характеристика, релевантная и для других эпистемических маркеров.

Различные эпистемические маркеры вписываются в традиционное для семантики эпистемической модальности противопоставление эпистемической возможности и эпистемической необходимости, упомянутое ранее. Данное противопоставление коррелирует с делением на значения категорической, простой и проблематической достоверности (Панфилов, 1977; Беляева, 1990).

Категорическая достоверность отражает максимальную степень уверенности говорящего и соответствует значениям эпистемической необходимости, проблематическая достоверность соотносится с различными маркерами эпистемической возможности, указывающими на неуверенность. Простая достоверность выражена неосложнёнными модальными показателями индикативом. Как подчёркивает А. Р. Сафина, введение эпистемического маркера ослабляет пропозицию по сравнению с высказыванием с семантикой простой достоверности, поскольку сам факт маркирования сигнализирует о том, что говорящий не обладает достаточными сведениями для категоричного утверждения истинности. В этом смысле даже маркированные пропозиции с семантикой эпистемической необходимости оказываются слабее высказываний, не осложнённых модальными маркерами, «при этом актуализация ЭН не подразумевает обязательной достоверности содержания высказывания: уверенность говорящего основывается на различных прямых и косвенных источниках информации, отличающихся степенью своей надёжности и достоверности» (Сафина, 2019, с. 38).

С учётом всего вышесказанного объектом эпистемического несогласия может выступать весь спектр пропозиций – от простых (имплицитно достоверных) пропозиций без модальных маркеров до высказываний с эпистемическими маркерами, отражающими различную степень уверенности или вероятности. Эпистемические маркеры, независимо от их формальной природы, оказываются значимыми для анализа несогласия, поскольку

фиксируют позицию автора исходного высказывания на шкале достоверности, то есть задают исходный эпистемический статус пропозиции, который может быть оспорен, пересмотрен или отвергнут субъектом несогласия.

В качестве иллюстрации рассмотрим следующий фрагмент: Mr Gates has **vehemently dismissed lurid claims about him** in the latest tranche of files **as false. But the broader significance of the drop** has been to **confirm** the extent to which a wealthy, powerful elite chose self-interestedly to associate with Epstein (The Guardian view on Epstein, power and accountability..., 2026). / Мистер Гейтс **решительно отверг скандальные обвинения в его адрес**, прозвучавшие в последней части опубликованных материалов, **назвав их ложными. Однако более широкий смысл этой публикации** заключается в том, что она **показала**, насколько охотно богатая и влиятельная элита из корыстных побуждений поддерживала связь с Эпштейном.

Эпистемическая оценка обвинений как ложных вводится через конструкцию “dismissed ... as false”, что задаёт категорический характер высказывания со стороны субъекта и фиксирует высокую степень уверенности. Наречие “vehemently” усиливает интенсивность данной оценки, подчёркивая максимальную степень эпистемической ответственности субъекта за высказываемую позицию.

Однако автор editorial отказывает этой позиции в статусе определяющей и задаёт альтернативную рамку интерпретации событий. Противопоставительная конструкция “But the broader significance...” инициирует переоценку: вместо обсуждения частной истинности обвинений внимание переносится на подтверждение (“confirm”) более широкого факта системных связей, тем самым смещая фокус эпистемической оценки. Предикат “confirm” маркирует соответствующую пропозицию как подтверждаемую фактическими данными и потому обладающую высокой степенью достоверности.

В результате сталкиваются две позиции, каждая из которых опирается на маркеры высокой уверенности и категорической достоверности, но по-разному распределяет эпистемическую ответственность и приоритет интерпретации. Несогласие реализуется не как прямое опровержение частного утверждения о ложности обвинений, а как установление иной шкалы значимости и достоверности (в пользу подтверждённого масштаба и характера связей элиты с Эпштейном). Объектом эпистемической переоценки становится не только конкретная пропозиция, но и сама рамка интерпретации событий.

Однако важно подчеркнуть, что наличие эпистемических маркеров не является обязательным условием для актуализации эпистемического несогласия: важен не сам факт формального маркирования объекта несогласия, а наличие у пропозиции эпистемического статуса, который может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно, и относительно которого может быть выражена альтернативная оценка истинности. При этом отсутствие маркеров само по себе не предопределяет характер эпистемического статуса пропозиции и не сводится к её имплицитной достоверности. «Чужая» эпистемическая позиция нередко представлена имплицитно и реконструируется из контекста, пресуппозиций или интертекстуальных связей, в результате чего становится тем самым потенциальным объектом эпистемической оценки, с которым говорящий (субъект несогласия) вступает в когнитивную оппозицию.

Что касается эпистемических маркеров уже в ситуации выражения несогласия, то сами по себе они не кодируют значение несогласия, а лишь фиксируют степень уверенности или тип отношения говорящего к пропозиции. Другими словами, эпистемическое несогласие не является формальным свойством отдельных эпистемических маркеров, а представляет собой контекстуально обусловленное модально-иллокутивное значение: оно возникает только в контексте, когда выраженная или подразумеваемая эпистемическая позиция становится точкой отсчёта для формулирования альтернативной оценки и основанием для прагматической актуализации иллокутивного акта несогласия. В отсутствие контекста несогласие как таковое не эксплицируется, поскольку эпистемические маркеры лишь обозначают степень уверенности, но не адресуют её к другой когнитивной позиции. В момент реализации несогласия говорящий не просто выражает определённую степень уверенности, но и берёт на себя эпистемическую ответственность за иную интерпретацию обсуждаемого положения дел, вступая в оппозицию к существующей или подразумеваемой эпистемической позиции. При этом цель настоящей статьи не заключается в описании конкретных языковых средств выражения эпистемического несогласия; в центре внимания находится, прежде всего, сам объект эпистемического несогласия – эпистемический статус пропозиции и его дискурсивная репрезентация, а также концептуальное понимание несогласия как модально-иллокутивного феномена.

Рассмотрение эпистемического статуса пропозиции и его модальной экспликации как основы для возникновения несогласия позволяет на данном этапе вернуться к его более общей характеристике – к двойственной природе этого феномена, ранее описанной как пересечение модальной и иллокутивной сфер.

С одной стороны, эпистемическое несогласие представляет собой частный случай субъективной эпистемической модальности – альтернативную субъективную оценку, выражающую отношение говорящего к степени обоснованности или истинности высказываемой пропозиции, при которой он присваивает ей иную степень соответствия действительности, чем та, которая предполагается в исходном высказывании. Такая оценка основана не на объективной верификации, а на выражении собственных представлений субъекта несогласия об истинности некоторого положения дел и не совпадает с исходной эпистемической оценкой автора пропозиции или – в условиях отсутствия реального собеседника / участника диалогического взаимодействия (как, например, в монологическом дискурсе, жанре editorial) – с эпистемической позицией, имплицитно или эксплицитно представленной в дискурсе.

С другой стороны, эпистемическое несогласие реализуется в форме иллокутивного действия, направленного на коммуникативное выражение данной оценки, на дистанцирование от чужой эпистемической позиции

и отказ от эпистемической солидарности с ней. В этом аспекте оно может быть охарактеризовано как иллокутивный акт субъективной эпистемической модальности, инициирующий переоценку исходной оценки истинности. Тем самым несогласие приобретает прагматическую направленность и выходит за пределы чисто модального значения, поскольку фиксирует не только отношение говорящего к истинности пропозиции, но и расхождение его эпистемической позиции с альтернативной. Именно сочетание модального содержания и прагматической силы позволяет описывать эпистемическое несогласие как модально-иллокутивную категорию.

В качестве иллюстрации рассмотрим следующий фрагмент: Such ties **have been minimised**, and **publicly regretted**, following Epstein's arrest and death in prison. **But** the gilded circles that gave him a free pass into networks of influence **conferred**, by doing so, **an aura of untouchability...** (The Guardian view on Epstein, power and accountability..., 2026). / После ареста Эпштейна и его смерти в тюрьме значение подобных связей **преуменьшали**, а затем **публично сожалели** о них. **Однако** элитные круги, открывшие ему беспрепятственный доступ к сетям влияния, тем самым **создали вокруг него ореол неприкасаемости...**

В первой части фрагмента имплицитно представлена чужая эпистемическая позиция, в рамках которой наличие связей с Эпштейном признаётся, но их значимость в интерпретации понижается ("have been minimised"), то есть ослабляется оценка весомости этого факта как основания для выводов, и нейтрализуется через выражение публичного сожаления ("publicly regretted"). Пассивная форма "have been + V-ed" делает источник позиции обобщённым: речь идёт не о конкретном говорящем, а о публичных высказываниях влиятельных кругов, задающих рамку допустимого прочтения событий как ошибки, подлежащей публичному сожалению, но не как системно значимого обстоятельства.

Противопоставительная связка "But" вводит позицию автора editorial и инициирует эпистемическую переоценку: автор отказывается принять минимизирующую рамку и приписывает этим связям иной статус, представляя их как фактор, обеспечивший Эпштейну «ауру неприкасаемости» ("conferred ... an aura of untouchability"). Тем самым спор разворачивается вокруг того, какой эпистемический статус получают эти связи как факты: второстепенный или причинно значимый (объясняющий последствия).

В результате эпистемическое несогласие реализуется, с одной стороны, как альтернативная субъективная оценка обоснованности и значимости исходной позиции, а с другой – как иллокутивное дистанцирование от неё и отказ от эпистемической солидарности с минимизирующей интерпретацией.

В настоящем исследовании эпистемическое несогласие рассматривается в рамках репрезентативных речевых актов, то есть таких, в которых говорящий представляет некое положение дел в мире и в определённой степени принимает на себя ответственность за истинность выражаемого содержания. Как отмечается в описании класса репрезентативов, они ориентированы «от действительности к высказыванию, имеют целью отразить положение дел в мире, предполагают наличие у говорящего соответствующего мнения, и их пропозициональное содержание ничем не ограничено» (Введение в науку о языке, 2024, с. 299).

Наблюдения А. А. Берн (2014) позволяют уточнить связь между эпистемической модальностью и репрезентативными актами. Исследовательница показывает, что в значениях эпистемической модальности активно реализуются такие подтипы репрезентативного речевого акта, как мнение, согласие, несогласие и отказ, и подчеркивает, что именно в репрезентативных актах степень ответственности говорящего отражает его уверенность, которая передаётся с помощью средств эпистемической модальности. Таким образом, эпистемическое несогласие может быть описано как разновидность репрезентативного речевого акта, в котором говорящий выражает альтернативную эпистемическую оценку пропозиции, принимая на себя ответственность за её истинностную квалификацию.

Представленная в настоящей работе трактовка несогласия отличается от коммуникативно-прагматического понимания этого феномена в работах Е. В. Архиповой. У Е. В. Архиповой несогласие описывается прежде всего в контексте диалогического взаимодействия как «реагирующий РА, который выражает <...> отрицательную реакцию адресата на предшествующий РА» (2009, с. 77). Как отмечает автор, «речевой акт <...> несогласия может возникать как реакция на репрезентативные речевые акты (РРА)» (Архипова, 2009, с. 77), однако он может быть инициирован и директивными, комиссивными и экспрессивными речевыми актами, то есть высказываниями, которые не обладают пропозициональным содержанием, подлежащим истинностной оценке. В результате несогласие в данном подходе не представлено как чисто эпистемическое явление и не укоренено в модально-эпистемическом измерении, а описывается прежде всего как коммуникативно-прагматический акт. Тем самым работы Е. В. Архиповой демонстрируют характерный для лингвистической традиции прагматический фокус на том, «как» несогласие реализуется в речи, тогда как эпистемическая природа несогласия – хотя и присутствует в её описании реакции на репрезентатив – остаётся имплицитной и не становится самостоятельным предметом анализа.

Как уже отмечалось ранее, в предлагаемой концепции, напротив, в центр внимания ставится эпистемическое несогласие – такой тип несогласия, который направлен на пропозицию о положении дел и предполагает возможность её оценивания в терминах истинности, достоверности или вероятности, то есть на репрезентативы. Невозможно «не согласиться» с репрезентативом иначе, чем оспаривая истинность или ложность представленной в нём пропозиции, степень её соответствия действительности или её обоснованность. В этом отношении объектом эпистемического несогласия могут быть только репрезентативные акты, поскольку лишь такие акты содержат пропозиции с эпистемическим статусом, тогда как несогласие с директивами, комиссивами или экспрессивами относится к иным реакциям и не входит в сферу эпистемической модальности.

При этом само несогласие, будучи эпистемической модальностью, реализуется в форме иллокутивного акта, который по своей природе относится к классу репрезентативов, поскольку выражает оценку истинности некоего положения дел и эксплицирует расхождение эпистемических позиций. Таким образом, в отличие от чисто прагматического подхода, рассматривающего несогласие как функцию диалогического взаимодействия, настоящее исследование трактует его как модально-прагматический феномен и укореняет в субъективной эпистемической модальности, то есть на более глубоком – эпистемическом – уровне описывает природу отношения субъекта к чужой пропозиции, что не было полноценно учтено в коммуникативных моделях.

Несмотря на традиционную ориентацию исследований речевых актов несогласия на диалогический дискурс, особый интерес представляет публицистический дискурс, прежде всего редакционный жанр (editorial), в котором эпистемическое несогласие выражается в монологической форме и направлено на чужие точки зрения, интерпретации или способы аргументации, которые могут быть обозначены явно либо имплицитно приписаны общественному мнению, экспертам или иным социальным группам.

В такой структуре адресат иллокутивного акта не выступает как непосредственный собеседник, а существует в виде имплицитно реконструируемой фигуры – носителя иной эпистемической позиции, с которой автор вступает в опосредованное полемическое взаимодействие. Несогласие, таким образом, сохраняет свою иллокутивную природу и в условиях отсутствия прямой диалогичности, реализуясь как прагматически маркированный акт, эксплицирующий дистанцирование от альтернативной эпистемической позиции и осуществляющий её переосмысление, корректировку или опровержение.

Поскольку целью editorial является не только информирование, но и воздействие на читателя, используемые в нём речевые и дискурсивные средства, включая эпистемически маркированные, нередко выполняют манипулятивно-прагматическую функцию, формируя для читателя такую эпистемическую перспективу, в рамках которой исходная «чужая» позиция предстает как проблематичная или несостоятельная.

Эта совокупность факторов – монологичность, аргументативный характер, обращённость к реконструируемой альтернативной позиции и направленность на формирование читательской интерпретации – делает публицистический дискурс репрезентативным материалом для анализа эпистемического несогласия как модально-иллокутивного феномена. Рассмотренные примеры показывают, что в жанре editorial эпистемическое несогласие реализуется через разные механизмы эпистемической переоценки: радикальную переквалификацию истинностного статуса пропозиции, градуированную коррекцию, рамочное смещение приоритета интерпретации и переоценку значимости факта как основания для выводов. При этом конкретные иллокутивные функции эпистемического несогласия в жанре editorial требуют специального описания, которое станет задачей последующего исследования.

Дальнейший анализ будет заключаться и в выявлении и описании представленных в жанре editorial способов прямого и непрямого выражения эпистемического несогласия, к числу которых относятся как отдельные лексические и грамматические единицы, так и более комплексные синтаксические, текстовые и дискурсивно-прагматические структуры с различными типами эксплицитных и имплицитных смыслов. При этом рассмотренные примеры уже демонстрируют принципиальную вариативность средств выражения эпистемического несогласия, реализующегося как за счёт эпистемической маркировки, так и за счёт дискурсивной организации текста.

Как подчёркивает А. В. Сахарова, «категория эпистемической модальности может не ограничиваться наиболее типичными (грамматикализованными и лексическими) средствами выражения, модальные значения могут развивать языковые единицы, изначально не имеющие модальной семантики» (2023, с. 27), а её «лингвистические экспликации могут косвенно характеризовать имплицитные установки и пресуппозиции говорящего субъекта, а также приобретать дополнительные прагматические значения» (2023, с. 29). В этой связи эпистемические показатели могут рассматриваться не только как средства квалификации пропозиционального содержания с точки зрения степени его достоверности, но и как элементы реализации прагматической установки говорящего, одной из возможных форм которой является несогласие. При этом выражение эпистемического несогласия не ограничивается использованием собственно эпистемических маркеров: соответствующее значение может формироваться и при участии языковых средств, изначально не обладающих эпистемической семантикой, если они вовлекаются в реализацию иллокутивной установки, направленной на переоценку эпистемического статуса пропозиции. Тем самым задаётся принципиальная возможность многообразия средств выражения эпистемического несогласия. Поэтому выявление комплекса разнотипных и разноуровневых средств, прямо или косвенно связанных с инвариантом эпистемического несогласия и по-разному распределённых в пространстве дискурса, составит одно из ключевых направлений последующего анализа.

Заключение

Таким образом, в статье уточнены теоретические основания анализа эпистемического несогласия как модально-иллокутивного феномена, реализующего субъективную эпистемическую модальность и направленного на переоценку эпистемического статуса пропозиции, а также проиллюстрирована применимость сформулированных положений на материале фрагментов жанра editorial. Показано, что эпистемическое несогласие представляет собой иллокутивный акт, посредством которого говорящий выражает альтернативную оценку истинности или обоснованности пропозиционального содержания, вступая в когнитивную оппозицию с эксплицитно или имплицитно заданной исходной эпистемической позицией.

Уточнено, что объектом эпистемического несогласия могут выступать пропозиции различных семантических типов – от фактуального содержания до интерпретативного или оценочного суждения, поскольку в дискурсе каждая из них получает определённый эпистемический статус и может становиться объектом эпистемической переоценки. Отмечено, что в определении этого статуса участвуют не только семантические характеристики пропозиции, но и характер её эпистемической маркировки. Установлено также, что эпистемические маркеры в ситуации несогласия не кодируют значение несогласия сами по себе, а лишь участвуют в формировании эпистемической позиции говорящего; в силу этого эпистемическое несогласие понимается как контекстуально обусловленное модально-иллокутивное значение.

Проведённый анализ показал, что в публицистическом дискурсе эпистемическое несогласие может оформляться через несколько механизмов эпистемической переоценки пропозиционального содержания – от прямой переквалификации его истинностного статуса до смещения интерпретационного приоритета и изменения оценки значимости факта как основания для выводов.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом иллокутивных функций эпистемического несогласия в публицистическом дискурсе, прежде всего в жанре editorial, а также с выявлением и систематизацией средств его прямого и непрямого выражения в дискурсе.

Материалы исследования | Research materials

1. The Guardian view on Andrew Mountbatten-Windsor: driven by a belief that his status made him untouchable // The Guardian. 2026. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/feb/06/the-guardian-view-on-andrew-mountbatten-windsor-driven-by-a-belief-that-his-status-made-him-untouchable>
2. The Guardian view on Epstein, power and accountability: full transparency is the least survivors deserve // The Guardian. 2026. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/feb/04/the-guardian-view-on-epstein-power-and-accountability-full-transparency-is-the-least-survivors-deserve>

Источники | References

1. Архипова Е. В. Речевой акт согласия/несогласия и средства его выражения в английском языке // Вестник Московского городского педагогического университета. 2009. № 1 (22).
2. Беляева Е. И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990.
3. Берн А. А. Модальность вежливости в финской речи: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2014.
4. Бирюлин Л. А., Корди Е. Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990.
5. Блох М. Я., Аверина А. В. Поле эпистемической модальности в пространстве текста: монография. М.: МПГУ, 2011.
6. Введение в науку о языке: лингвистика XXI века / под ред. О. В. Федоровой, С. Г. Татевосова, П. О. Россаякина, Ю. В. Сеницыной, И. А. Хомченковой. М.: ЛЕНАНД, 2024. Т. 1.
7. Казаковская В. В., Онипенко Н. К. Грамматика точки зрения: вводно-модальные слова в речи взрослых и детей // Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий: коллективная монография. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020.
8. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М.: Языки славянской культуры, 2003.
9. Лекант П. А. Несогласие как одно из модальных значений высказывания // Семантика грамматических форм и речевых конструкций: сборник научных трудов. М., 1991.
10. Ляпон М. В. Модальность // Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая российская энциклопедия, 2000.
11. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
12. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4.
13. Пыркина Т. Н. Вербальные и невербальные средства выражения согласия и несогласия в речи на неродном языке: дисс. ... к. филол. н. Череповец, 2016.
14. Русская грамматика: научные труды: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2.
15. Сафина А. Р. Коммуникативно-прагматические особенности выражения эпистемической модальности в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. Мытищи, 2019.
16. Сахарова А. В. Языковые и лингвопрагматические средства выражения эпистемической модальности в современных естественнонаучных текстах на русском языке: дисс. ... к. филол. н. Новгород, 2023.
17. Свиридова Т. М. Выражение согласия/несогласия лексико-синтаксическими средствами: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1994.
18. Тарасевич Е. Г. Знание и мнение // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Мн.: Белгосуниверситет, 1998. Вып. 1.
19. Palmer F. R. Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
20. Papafragou A. Epistemic Modality and Truth Conditions // Lingua. 2006. № 116.

Информация об авторах | Author information

Фоменко Ольга Васильевна¹

¹ Московский государственный институт международных отношений МИД РФ

Olga Vasilyevna Fomenko¹

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

¹ fomen.ko_olga@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.02.2026; опубликовано online (published online): 29.04.2026.

Ключевые слова (keywords): эпистемическое несогласие; субъективная эпистемическая модальность; иллокутивный акт; эпистемический статус пропозиции; epistemic disagreement; subjective epistemic modality; illocutionary act; epistemic status of the proposition.